

STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация?

Философская и социально-гуманитарная мысль в России продолжает свое движение по траектории догоняющей модернизации. Такой образ возникает, среди прочего, при наблюдении за тем, как в отечественной науке и образовании происходит освоение STS. Эта аббревиатура скрывает за собой самоназвание научного направления, которое довольно неуклюже звучит по-русски: «исследования науки и техники». Поэтому ряд авторов предпочитает придерживаться английского сокращения, например, О.Е. Столярова в своей работе «Исследование науки и технологии. Философское введение». Что же такое STS?

Гуманитарий склонен подходить к пониманию всякого научного направления не через его программные результаты, но, скорее, на основе анализа его генезиса. Исторические корни STS на редкость многообразны, а их выделение зависит от выбора приоритета. Если мы считаем основателем STS философию и историю науки, то приходится вспоминать о Е. Дюринге, У. Хьюелле¹, Дж. Гершеле, А. Декандоле и П. Дюэме. Если полагать в основании STS социологию научного знания, то достаточно обратиться к «сильной программе» Б. Барнса-Д. Блура. Можно копнуть чуть глубже и обнаружить истоки STS в работах Л. Флека, М. Полани, Т. Куна, П. Фейерабенда. Мне же представляется, что исходным пунктом STS вполне достойна быть работа Б. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона» (1933). Впрочем, в западных университетах предпочитают смотреть на STS как на плоскую структуру, лишенную иерархии и доминанты. Всем дисциплинарным компонентам уделяется примерно равное внимание. Конечно, многое негласно определяют профильные кафедры, на которых, как правило, преобладают специалисты в области философии науки.

Англо-американское науковедение как университетский стандарт

Генетический подход все же не в полной мере учитывает, что STS сегодня это, прежде всего, университетская, а следовательно, образовательная программа, нацеленная на производство особенного рыночного «продукта», или «услуги». Отсюда и прагматическая заостренность такой программы, M.S. и Ph.D. которой могут претендовать на вполне определенные рабочие места в система западной экономики. Так, одна из наиболее успешных и всеобъемлющих программ STS разработана в Вирджинском технологическом университете (США) свыше 20 лет тому назад с участием Дж. Питта и С. Фуллера. Вот как звучит ее аннотация.

¹ William Whewell (1794-1866) – английский философ, теолог, историк науки, фамилия которого часто неверно произносится как «Уэвелл».

«Исследования науки и техники² (STS) представляют собой растущую область, включающую весь спектр дисциплин социальных и гуманитарных наук для изучения того, как наука и техника, с одной стороны, и наше общество, политика и культура, с другой взаимно формируют друг друга. Мы изучаем современные противоречия, исторические преобразования, политико-управленческие дилеммы и масштабные философские вопросы. Специализация (graduate program) в STS в Вирджинском техническом университете готовит студентов к тому, чтобы стать продуктивными и публично-ангажированными учеными, активными исследователями и оригинальными личностями (making a difference)».

Итак, данная программа предполагает, по крайней мере, три целевые группы. Первая из них – будущие специалисты в данной области, потенциальные исследователи и преподаватели. Вторая включает студентов, получающих дополнительную специализацию, а третья – те, кто нуждается в повышении квалификации на своем рабочем месте. Степень бакалавра является предпосылкой участия в первых двух вариантах программы. Характеризуя последнюю в самом общем виде, можно сказать, что это обычная магистерская программа, которую вполне может одолеть средний студент за 2-3 года. Она включает курсы по общим проблемам STS, по философии науки и техники, по истории науки и техники, по социальным проблемам науки и техники и по администрированию (policy) в области науки и техники. То же относится и к программе Ph.D., которая существенно отличается от российской аспирантуры по качеству и объему.

Характерно, что американская Ph.D. 90 % времени и «кредитов» (зачетных баллов) отводит на учебу и лишь 10 % на творческое исследование (диссертацию), которая тоже может быть заменена парой учебных курсов. Нетрудно увидеть, что именно этот момент является предметом слепого копирования российских чиновников МОН,двигающих реформу аспирантуры. Однако возникает вопрос. Не являются ли многие кандидатские диссертации по социальным и гуманитарным наукам бессистемным рефератом достаточно известных текстов? Стыдливым эвфемизмом для таких рефератов служит канцелярская формула: «квалификационная работа». В таком случае есть резон заменить ленивую работу над такими, с позволения сказать, исследованиями сосредоточенным освоением учебного материала под ежедневным взыскательным взором преподавателя. Лучшим выходом из данной ситуации была бы возможность выбора одного из двух вариантов работы в аспирантуре (учебного или исследовательского), санкционированного научным руководителем где-то в середине второго года. Но не утопия ли думать, что нам кто-то позволит выбирать?

Вообще если сопоставить науковедение, как оно развивалось в России, с проблематикой STS на Западе, то возникает странное ощущение. А.П. Огурцов, например, рисует весьма богатую картину еще довоенного

² Technology – техника (рус.)

науковедения с множеством конкурирующих программ. Многие из них на десятилетия опережают соответствующие западные исследования, а психология науки до сих пор не зарезервировала специального места в рамках STS. Правда, сегодня, как он отмечает, «отечественное науковедение испытывает кризис, поскольку крах советской системы вместо ожидаемых свобод привел к резкому сужению не только государственных ассигнований на науку, но и научно-исследовательских институтов, к разрушению коммуникаций между учеными как внутри страны, так и между всем научным сообществом, к утрате престижа профессии ученого. Реформаторский «зуд» администраторов от науки коренится в чиновничьих пристрастиях и амбициях и не основывается на науковедческом изучении научно-исследовательской деятельности, на научных моделях управления процессами функционирования и роста науки».

Именно поэтому российское науковедение не получило институциализации: идея и проект, как это часто бывало в российской истории, не реализовались ни в форме завершённой теории, ни в виде регулярной практики. Далеко опередив свое время и пережив все трудности непризнания, науковедение сегодня возвращается к нам на манер дежавю, в образе англо-американских STS, совершенно самодостаточных, не желающих знать свою историю. Как тут не вспомнить высказывание замечательного российского математика В. Арнольда: «Это — стандартная западная технология, вплоть до реклам нобелевских премий или филдсовских медалей: не сослаться на российских предшественников совершенно безопасно для репутации эпитгона, даже если он просто переписал русскую работу».

Семидесятые годы прошлого века были ознаменованы возникновением *науковедения*, которое на Западе сначала получило названия «science of science», «sociology of science», «social studies of science», а потом «science and technology studies» (STS). Это сфера междисциплинарного взаимодействия социологии науки (именно она в лице Д. Блура, Б. Барнса, Б. Латура, Г. Коллинза и др. стояла у истоков STS) с социальной историей, психологией и политическим анализом науки. Предметом STS является взаимодействие науки и общества в самых разных аспектах – от экономического и инновационно-технического до ценностного. Вопрос об отношении STS с эпистемологией и философией науки до сих пор не решен. На Западе преобладает тенденция демаркации этих двух направлений, для России же еще предстоит осознать мнимую новизну STS, которые на деле опираются на ряд положений, высказанных еще марксистскими учеными в начале 20 века (Б. Гессен). По сути, STS является вариантом *натурализации философии науки*, т.е. попыткой ее сведения к сумме частных дисциплин, изучающих науку. На мой взгляд, вопрос о демаркации философии науки и STS имеет отношение лишь к построению учебных университетских курсов. В исследовательском же плане значительно более плодотворно не проводить дисциплинарные границы такого рода, а развивать междисциплинарное взаимодействие философского и специальных подходов к анализу науки.

Прав бы И. Лакатос, который свыше 40 лет тому назад заявил: «Философия науки без истории науки пуста, история науки без философии науки слепа».

Фуллер: STS обладает потенциалом не только в проведении новых границ внутри академической науки, но прежде всего, что наиболее важно, в большую открытость академии для остальной части общества.

Ситуационное исследование: практика против мировоззрения

Популярное определение STS, процитированное выше: это исследования взаимного влияния научно-технической и социокультурных сфер жизни. Часто оно понимается сугубо прагматически. Так, наука и техника приводит к появлению различных артефактов и товаров (электроники, фармацевтики, средств передвижения и пр.), которые меняют привычные формы поведения и общения. Одновременно общество через политику и экономику диктует науке и технике определенные стратегии (рыночные, инновационные, экологические). Показательно, что вопросы, которые являются предметом философского внимания (методологические и мировоззренческие), почти не ставятся. Это – теоретическая лакуна, которую нужно заполнять вновь.

Пример из гидромелиорации - проекты поворота сибирских и южных рек (А. Платонов «Епифанские шлюзы» - канал Дон-Ока, или Ивановский канал — канал, соединявший верховья реки Оки через её приток реки Упу с рекой Дон, первый известный опыт строительства судоходного гидротехнического сооружения в России; Ю. Трифонов «Утоления жажды» - поворот Аму-Дарьи, строительство Каракумского канала).

Мировоззренческое значение глобальных проектов – они являются выражением глобальных сдвигов в сознании: «Люди спорили о крутизне откосов, о дамбах, о фразах, о мелочах, но на самом деле это были споры о времени и о судьбе» (Трифонов).

Роль социальной эпистемологии в STS

С. Фуллер: ... социальная эпистемология принимает факты, которые воодушевляют постмодернистов, но не их скептические нормативные выводы».

Задача СЭ в том, чтобы осмысление фактов поставить в зависимость от изначальных задач философской рефлексии: соразмерить многообразие реальности с культурным разнообразием духа. Отсюда и выбор перспективы, разворачивающейся перед STS.

Существуют разные прогнозы развития STS, исходящие из ее роли в воздействии на науку и технику или на философию науки. Так, один из первых вариантов гласит, что акцент должен быть сделан на «риторике», или новой «идеологии науки», которая умерит претензии и эгоистические интересы научных экспертов и заставит науку в большей мере отвечать

социальным и культурным реалиям (С. Фуллер). Согласно другому, перспективы STS – в новой онтологии, или натурфилософии, которая будет учитывать «материальную базу» науки, ее экспериментальные и технические контексты и тем самым позволит избежать тупиков релятивизма (Я. Хакинг). Мне представляется, что перед STS стоят, по крайней мере, две задачи: избежать собственного идейного застоя и внести практический вклад во взаимоотношение науки и общества. Первая в целом решается в междисциплинарном взаимодействии философии и других дисциплин, изучающих науку. Решение второй задачи состоит в том, чтобы поддерживать баланс между пониманием автономности и культурной ценности научного исследования, с одной стороны, и фактическим бытием науки как социального института, с другой.

В частности, есть смысл в том, чтобы переоценить значение глобальных проектов для науки, техники, общества и мировоззрения. Их дискредитация в свете попперовской идеи социальной инженерии привела, вместе с тем, к порочной практике глобальных проектов типа Сочинской олимпиады, которые ничего не дают ни для экономики, ни для духа. Глобальные проекты прошлого, вопреки всем их негативным последствиям, давали мощный мировоззренческий эффект и открывали определенную социально-экономическую перспективу. Национальную идею нельзя питать голой идеологией, она требует реальной деятельности по переустройству общества и природы. В формировании и отстаивании важности таких проектов роль философии невозможно переоценить.

Поэтому я подчеркиваю, что обе эти задачи уже изначально предполагают некоторую философию. Без нее дилемма, сформулированная в названии доклада, остается неразрешимой. Пусть это звучит банально, но нам нужна философия, чтобы решать многие задачи, поставленные в рамках STS. Именно философия – как критическое, диалогическое, исторически погруженное теоретизирование, направленное, прежде всего, на выявление и постановку проблем *еще до того*, как они взрывают социальный status quo. Как гласит народная мудрость, чтобы лечиться, нужно быть изрядно здоровым человеком.